

ИНТЕЛЛИГЕНТ И БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ БУДУЩЕГО: О ГЛАВНЫХ ГЕРОЯХ ПОВЕСТИ В. СОРОКИНА «МЕТЕЛЬ»

Предметом рассмотрения в статье являются образы двух главных героев повести В. Сорокина «Метель» – доктора Гарина и хлебовоза Перхуши. Речь ведётся о противопоставлении персонажей – их портретов, эмоций, речи, поступков и т.д. Фигура Платона Ильича более «современна», хотя и ориентирована на классический тип героя-интеллекта? Образ Козьмы строится в соответствии с житийной и фольклорной традицией. Доказывается, что в нём запечатлены черты Божьего человека.

Ключевые слова: главные герои; противопоставление; мифологема; житийные традиции; Божий человек.

Повесть В. Сорокина «Метель» издана в 2010 г. Литературоведы в первую очередь заинтересовали архаические, фантастические элементы в произведении, а также интертекстуальные связи в тексте. Образы главных героев пока не стали предметом отдельного рассмотрения; они нуждаются в более глубоком анализе – без этого невозможно понимание смысла художественного текста. Раскрытие идеи сорокинской «Метели» основано на противопоставлении двух персонажей. На традиционный «метельный» текст проецируются сюжетные ситуации с участием барина и кучера, хозяина и работника, интеллекта и простого человека.

Антитеза главенствует в **портретных характеристиках**. Доктор «высокий» [1. С. 11] – хлебовоз «малорослый» [Там же. С. 16]. Гарин «крепкий» [Там же. С. 11] – у его возницы «худосочное» [Там же. С. 183], «лёгкое тело» [Там же. С. 224]. Нос Платона Ильича «крупный» [Там же. С. 50], «упрямый» [Там же. С. 11] – Козьма востроносый [Там же. С. 16, 31]. Рот у первого «мясистый» [Там же. С. 243] – у второго «сорочий» [1. С. 80]. Один «выбрит до синевы» [Там же. С. 11], с «коротко подстриженной головой» [Там же. С. 7] – другой имеет «клочковатую бороду» [Там же. С. 15] и «вздохмаченную рыжую» [Там же] «шевелюру» [Там же. С. 16]. Один то и дело дымит папиросой (фаллический символ) – другой не курит [Там же. С. 58] и т.д. Во внешности Платона Ильича отмечается телесное, плотское, доминирующее начало, а в Перхушиной (таково прозвище героя) – андрогинное, асексуальное.

Судьба персонажей принципиально отлична. Значительна разделяющая их социальная дистанция. Оба холосты: Платона Ильича бросила страдающая бесплодием супруга, Ирина; от Перхуши жена ушла, когда его «ускоп пристиг» [Там же. С. 30]. Но для Гарина – это одна из множества его любовных историй, а для Козьмы – поворотный момент в судьбе. О притязаниях доктора «свидетельствует» его подсознание: Платону Ильичу снится «большое застолье в огромном, ярко освещённом зале, напоминающем банкетный зал Дома учёных в Москве, со множеством знакомых и незнакомых людей, имеющее отношение к нему, к его профессии и частной жизни» [Там же. С. 253]. Гости поздравляют Гарина, говорят «что-то высокопарное и торжественное» [Там же]. Онейрическое пространство демонстрирует его амбициозность,

нацеленность на достижение высокого социального статуса. Козьма с молодости привык подчиняться; работая на кордоне, он беспрекословно выполняет тяжёлую работу, навязанную другими артельщиками: «...ты-де ночами перхаешь, нас тревожишь, а ну давай дрова коли, печку топи, воду таскай! Проварили меня по полной за моё перханье» [1. С. 32–33].

Прямо противоположна **реакция персонажей на происходящее** (она, как правило, воспроизводится параллельно). В шатре витаминдеров «запах дорогого, драгоценного бензина, два самоката и холёных дога подействовали на доктора успокаивающе, а на Перхушу подавляюще» [Там же. С. 145]. Здесь даёт о себе знать статус героев: доктора выделяет из общей массы профессия; не являясь богатым человеком, он вхож во многие дома, привык на равных общаться с сильными мира сего – в минуту несчастий они так же слабы, как и все остальные пациенты. Хлебовоз чувствует себя неуютно в роскошной обстановке.

«Залечив» полоз мазью Вишневого с протегоном, Козьма улыбается: «Во оно как!» [Там же. С. 48]. В ответ доктор «победоносно рычит»: «А как ещё?» [Там же. С. 48]. Удивление, как утверждают психологи, реакция без достаточного осмысления [2. С. 190]. В отличие от своего возницы, Платон Ильич упивается маленькой победой. Сбившись с пути, отогрившись у костра, он готов ехать «бороться с метелью» [1. С. 208], Перхуша же начинает дремать и «совсем никак не торопится» [Там же].

Гарин деятелен, энергичен. В доме зрителя, требуя лошадей, доктор отчаянно жестикулирует и рассказывает по комнате: «в сердцах взмахнул руками» [1. С. 5], «негодующе качнул... головой» [Там же. С. 7], «воскликнул» [Там же. С. 8], «решительно шагнул» [Там же. С. 10]. Заспанный хлебовоз во время своего первого появления протирает глаза [Там же. С. 15], почёсывает голову, грудь, шею [Там же. С. 15–16, 18], щурится на окошко [Там же. С. 18]. С одной стороны, жесты героев свидетельствуют об их состоянии: Платон Ильич страстно желает ехать спасать больных, сонный Перхуша, напротив, не хочет выбираться из напотленной хаты. С другой – привычные формы поведения раскрывают характер. Более того, отдельные детали позволяют предугадать, как будет развиваться действие:

«– Сколько ты хочешь? – потерял терпение доктор.

Перхуша оглянулся на него, словно ожидая удача <...>.

– Пять целковых! – предложил доктор таким угрожающим тоном, что Перхуша *вздрыгнул*¹ [1. С. 17].

Далее действия Гарина обозначаются экспрессивными глаголами: «недовольно швырнул» [Там же. С. 27], «пнул... сапогом» [Там же. С. 44], «нетерпеливо оттолкнул» [Там же. С. 47].

По законам фольклорной сказки и классического романа персонажи встречаются на своём пути **испытания-соблазны**. Козьма как будто не замечает их, а Платон Ильич неизменно поддаётся искушению. В то время как разомлевший хлебовоз «с жалобой в голосе» [Там же. С. 90] просится на боковую, доктор мечтает о «schöne Müllerin» [Там же. С. 98]. Перхуша похрапывает на печке, подложив под голову полено [Там же. С. 109], – Гарин прелюбодействует с чужой женой. Возница в закуте ест горячую лапшу с куриным мясом [Там же. С. 159] – лекарь дегустирует новое наркотическое средство витаминдеров, пирамиду [Там же. С. 163]. В определённой степени Платон Ильич – представитель литературного типа героя-интеллекта (его отчество отсылает к образу Ильи Ильича Обломова, сосредоточенного на абстрактном мышлении). Гарин осознаёт неправильность своих поступков, испытывает муки совести: «Никогда не надо поступаться принципами» [Там же. С. 98]. Напряжённое внимание к отдельным побуждениям персонажа воскрешает эстетику реалистического психологического романа XIX в. с его стремлением к аналитическим дефинициям: «Устыдившись своей слабости, он устыдился и собственного стыда, а потом, устыдившись этой двойственной стыдливости, внутренне вознегодовал, обрушился на себя яростно и резко: “Идиот... сволочь... чистоплюй проклятый...”» [Там же. С. 151–152].

«Метель» В. Сорокина полна вдохновенных рассуждений о смысле человеческой жизни. Все они принадлежат Гарину, самые восторженные доктор произносит после «сияния», наркотического сеанса. Чаще всего за разглагольствованиями Платона Ильича следует смена стилистического регистра, происходит новое событие, которое девальвирует сказанное. «...Выбирать то, что для тебя органично, что не заставит тебя потом мучиться от стыда за собственное безволие. Только эпидемия не оставляет выбора». Оставшись в исподнем, он снял пенсне...» [Там же. С. 99]. «Двигаться против ветра, преодолевать все трудности, все нелепости и несуразности, двигаться прямо, ничего и никого не боясь <...>». Самокат накренился влево, ткнулся носом в снег и встал» [Там же. С. 195]. «...Я буду достоин звания Человека, потому что я не свернул со своего пути. И это прекрасно!». Вдруг лошади зафыркали и захрапели, топоча по протягу. Самокат сбавил ход» [Там же. С. 215–216].

Человеколюбивая риторика Гарина никоим образом не соотносится с безучастностью доктора и тем более – с его жестокими поступками. Это «двоемыслие» подчас переходит в грубый фарс. Например, когда дышащий перегаром [Там же. С. 245] Платон

Ильич рассуждает над телом мёртвого великана о национальной беде – алкоголизме: «“Вот она, дичь наша русская...” <...> “Напиться и рухнуть на дороге... Бред! Русский бред!”, – усмехнулся раскрасневшийся доктор» [1. С. 243].

Для правильного понимания характеров принципиально важна **мифологическая подоплёка** событий. В интервью В. Сорокин указывает на одушевлённость стихии в произведении: «Это и субъект, и объект. И персонаж, и сцена. И герой, и декорация – задник, на фоне которого происходит действие» [3]. Метель досаждает доктору: задувает спички, когда тот пробует закурить, залепляет снегом пенсне, забивает нос. Постепенно противостояние делается более явным: «Ветер, словно *издеваясь* над ним, задул сильнее, швыряясь снегом» [1. С. 129]; «...Доктор решительно двинулся в *плюющуюся* снегом темноту» [Там же. С. 198]; «Снег не отпускал, *хватал* за окоченевшие, непослушные ноги» [Там же. С. 274]; «“Есть след!” – крикнул он, но снег попал ему в рот, и он закашлялся, кланяясь метели» [Там же. С. 130]; «“Так какого ж чёрта...” – начал было доктор, но метель влетела ему в рот» [Там же. С. 140]².

«Чудовищных размеров снеговик с огромным, торчащим снежным фаллосом» [Там же. С. 271] встречается именно на пути Платона Ильича. Колосс «смотрит» на него, и ужас переполняет героя; он, обезумев, несётся стремглав, как Евгений из «Медного всадника»: «Доктор встретился взглядом с глазами-булыжниками. Снеговик посмотрел на Гарина. Волосы зашевелились на голове у доктора. Ужас охватил его. Он вскрикнул и кинулся прочь. Бежал, спотыкался, падал, поднимался и, стоная от ужаса, бежал и бежал снова» [Там же. С. 274]. Снеговик олицетворяет мощь необузданной стихии, которую испытывает на себе Гарин. После этого происшествия доктор уже не в состоянии противостоять обстоятельствам – его сердце наполняют страх смерти и безволие.

В душе Перхуши царит «благодарная покорность всему происходящему: метели, снежным полям, тёмному небу, доктору и пляшущему на ветру огню» [Там же. С. 208]. Он не пытается сражаться с метелью, как Платон Ильич, а метель, в свою очередь, не издевается над хлебовозом. «Клубящаяся снежная мгла» «нехотя *расступается* перед ним» [Там же. С. 141]. «Метель норовила сорвать пламя, но Перхуша *не давал* ей это сделать» [Там же. С. 207]. «“Слава Тебе, Господи!”», – пробормотал Перхуша. И словно по чудесному мановению невидимой руки летящий снег стал прореживаться, ослабевать и вскоре иссяк вовсе» [Там же. С. 213]. Козьма благополучно находит укрытие под рогожей; капор завален сугробом, внутри тепло и безопасно (очевидно, что хлебовоз спасся бы от холода, если бы не вернулся Гарин).

Козьма быстро понимает сверхъестественную природу наваждения: «В буерак чёрт столкнул!» [Там же. С. 129]; «Знать, леший нас водит...» [Там же. С. 197]. Он сильно пугается, неожиданно встретив на пути погост, принимает это за недобрый знак: «“Господи, это ж кладбище...” – выдохнул Перхуша» [Там

же. С. 138]. И приходит в ужас, наткнувшись на мёртвого великана: «Господи, да за что ж мне такое пропадание³?» [1. С. 239]; «Господь, видать, на меня обиделся, барин. Вот и угораздило» [Там же. С. 240]. (Реакция Гарина на покойника противоположна: «Доктор расхохотался и опрокинулся на спину» [Там же. С. 243].)

Н. Дардыкина и некоторые другие критики относят Перхушу к «маленьким людям» [4]. На наш взгляд, в образе хлебовоза скорее запечатлены черты **Божьего человека**. Трактовать выражение можно по-разному, поскольку В. Сорокин апеллирует и к фольклорной, и к книжной традиции. Мы имеем в виду: 1) бесребреничество героя («нищий»), 2) его честность и совесть (диалектное значение, согласно ЯОС), 3) странности хлебовоза («блаженный»), 4) религиозность Козьмы (такое значение словосочетания присуще разговорной речи) и, наконец, 5) близость к Богу («святой»).

Козьму отличают умиротворённость, кротость, смирение, сострадание, бесхитрость, бескорыстность, чистота. Его физиономия практически всегда «всем совершенно довольна» [Там же. С. 31] (в то время как на лице Платона Ильича царит «выражение сосредоточенного недовольства» [Там же. С. 11]). Козьма – «мужик, к барышу равнодушный» [Там же], у него двор без ворот, дверь без запора, изба почти без мебели, а в отличном состоянии находится только конюшня. Беспремерна любовь хлебовоза к лошадам; сцены, в которых показаны взаимоотношения Перхуши со своими подопечными, проникнуты тонким лиризмом.

Сердечная забота Козьмы о животных сочетается с полным равнодушием к собственной персоне. Его внешность неказиста: узкие плечи, кривые ноги, клешнеобразные руки, неровные зубы. О неухоженности свидетельствуют клочковатая борода, взлохмаченная шевелюра, «большие заскорузлые пальцы с грязными ногтями» [Там же. С. 15], тулуп со старой дыркой. Эти признаки соотносятся с иконографической традицией изображения юродивых: «лёгкое тело» [Там же. С. 224], растрёпанные волосы, «худые ризы», грязь.

Гарин беспрестанно называет хлебовоза дураком («с ненавистью... к дураку и ротозею Перхуше... к дурацкому самокату с дурацкой расписной спинкой и дурацкими карликовыми лошадьми в дурацком фанерном капоре» [Там же. С. 138–139]). Тот и сам так себя именует, когда огорчён потерей гвоздя: «Дурак, потому и упустил. <...> Дурак я, дурак» [Там же. С. 262].

Истории с «трогательными» дельфинами, с коконом бабочки свидетельствуют о том, что этот человек всегда был не от мира сего. Эпизоды из прошлого Перхуши включают ряд мотивов, свойственных житийной литературе: стремление к богоугодной жизни, отвержение детских игр, уход из отчего дома. Ребёнком он смиренно выносит порку сам, но не может видеть, как секут других: «Когда кого раскладывать на лавке начинают, мне прямо плохо делалось, чуть не падал» [Там же. С. 193]. «А подрос когда, как драку

увиджу – так тоже плохо, словно брёвна ворочаю» [1. С. 193]. Церковь признает истинными непостижимые для ума, но доступные сердцу представления, которые приобретаются при покаянном видении мира. Безотчётно, интуитивно знание Козьмы: «Я как со злыднем столкнусь – словно заболую. Рвать тянет, будто падали наелся» [Там же. С. 192].

В речь хлебовоза включены несколько оборотов с ошибочным словоупотреблением, которые на мифопоэтическом уровне свидетельствуют о его связи с потусторонним миром: «Коня доверил ему Вавила, покойный конюх купца Рюмина» [Там же. С. 109]; «...он вспомнил игрушечного слона, которого покойный отец принёс шестилетнему Козьме с ярмарки» [Там же]; «Он вспомнил, как они с покойным отцом по осени резали камыш...» [Там же. С. 191]. Стилистическая игра выявляет **проницаемость границы между бытием и небытием**, как будто Перхуша живёт и не живёт одновременно (не случайно в эпиграф вынесены блоковские строчки «Покойник спать ложится / На белую постель...» [Там же. С. 5]).

Хлебовоз очень часто сравнивается с птицей («заулыбался своей птичьей улыбкой» [Там же. С. 88], «улыбнулся своей птичьей улыбкой» [Там же. С. 115], «со своей птичьей улыбкой» [Там же. С. 160], «птичье лицо» [Там же. С. 209, 222], «птичий рот» [Там же. С. 225], «улыбка его птичьего рта» [Там же. С. 240], «проступило птичье» [Там же. С. 296]), с галкой («профиль... как у галчонка» [1. С. 37], «стоял, как мокрая галка» [Там же. С. 243]), с сорокой («сорочья голова» [Там же. С. 79, 113], «сорочий рот» [Там же. С. 80], «вертел головой, как сорока» [Там же. С. 140]). Можно вести речь о заурядной внешности, осёдлости и всеядности врановых (галка, сорока), на которые намекает В. Сорокин, описывая героя. Но существеннее иной аспект. Немецкая монахиня XII в. св. Хильдегарда Бингенская писала: «Птицы холоднее животных, живущих на земле, т.к. размножаются не за счёт сильного жара желания. Их мясо чище, чем мясо наземных животных, потому что они не выползают обнажёнными из тела своей матери, а покрыты скорлупой. Некоторые живут за счёт огненного воздуха и поэтому всегда стремятся, как огонь, вверх» [5. С. 11]. Эти характеристики соответствуют сущности хлебовоза: половой индифферентности (символом которой являются его «вставшие на половине шестого часы-ходики» [1. С. 14]) и устремлённости вверх («как огонь» (!)). Принципиально важно, что предсмертное видение Перхуши тоже содержит картину вознесения в «огненном воздухе»: «он хватает её [бабочку] за толстые шелковистые ноги, она поёт, взмахивает крыльями и вылетает в горящее окно, выносит Козьму в огненное окно...» [Там же. С. 293].

С образом Перхуши связан целый ряд **символических деталей**. Он живёт в доме под номером семь [Там же. С. 11] (сакральное число). Возит хлеб (основной элемент таинства евхаристии) – и несколько раз показывается жующим ломоть либо крошащим его своим лошадам; две хлебных корки находят потом в кармане Козьмы. В сенях Перхуши пахнет «ульями, пергой и воском» [Там же. С. 14], он хотел бы завести пасеку

(пчёлы и мёд символизируют Христа, бессмертие, чистоту души). Дельфин и бабочка, о которых велась речь выше, в религиозной символике отождествляются с Творцом, спасением, воскресением.

В связи с Гариным упоминаются пихор, пенсне, носорог, слон, медведь, снеговик. Название долгополой дублёрки встречается в тексте 15 раз. Возможно, для писателя было важно азиатское происхождение лексемы⁴. Или созвучие с прозвищем возницы, который согрел доктора ценой своей жизни. Или фонетическое сходство с ранневосточнославянским корнем «пх-» («толкать»). Ср.:

«– Пахтай меня, хороший мой... – зашептала она в его щёку...» [1. С. 103];

«– Пихнём назад? – Кинув топор, Перхуша упёрся в нос самоката.

– Пихнём! – Доктор упёрся с другого бока» [Там же. С. 251].

Пенсне – традиционный атрибут доктора-интеллекта из классической литературы. И – романтический символ непрямого, искажённого взгляда. Носорог, слон, медведь – типично мужские символы, олицетворяющие необузданную силу. По поводу мотива снеговика в повести пишет М. Липовецкий: «Если в сценах с мельничихой доктор дважды сравнивается со снеговиком, то уже перед встречей с витаминдерами Гарин напоминает Перхуше снежную бабу, что наводит на подозрение о том, что именно в героическом докторе и кроется источник сексуального возбуждения снежного гиганта» [6].

Итак, следствием обращения к традиционным «амплуа» классической литературы становится оче-

видное противопоставление двух главных героев – их портретов, эмоций, речи, поступков и т.д. Образ Козьмы чаще строится в соответствии с фольклорной и библейской традицией, а фигура Платона Ильича более «современна», реминисценции, с ней связанные, порой носят весьма экзотический характер.

Развязку сам В. Сорокин комментирует следующим образом: «Я слишком очарован нашей интеллигенцией. Если бы я был разочарован, доктор Гарин, по всей вероятности, замёрз бы вместе с Перхушей. А так он выживает, хоть и напрочь отморозив себе ноги. Для настоящего русского интеллигента это, безусловно, счастливый конец» [8]. Некоторые исследователи приняли это заявление за чистую монету и объяснили «несостоятельность» [9] образа интеллигента авторскими недоработками. На наш взгляд, каждый из героев получает по заслугам. Рыдающего Платона Ильича с отмороженными ногами тащат в поезд, в его жизни наступает нечто «тяжкое, суровое, о чём он раньше и помыслить не мог» [1. С. 301]. А Козьму ждёт освобождение – смерть, с которой хлебовоз уже давно примирился. Бабочка, мёртвая голова, прекрасная, «как ангел» [Там же. С. 292], с пением выносит его «в окно огня» [Там же]. Как писал Бозций, «мысль о смерти более жестока, чем сама смерть».

В. Сорокина называют ярким представителем московского концептуализма, наиболее радикального течения в русском постмодернизме, дискредитирующего имитируемые тексты [7. С. 26]. Но лирические интонации «Метели» позволяют сделать вывод, что писатель всерьёз следует традиции мифологизации народного бессребреничества. Гуманистическая функция авторской иронии в повести очевидна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее курсив мой. – Е.З.

² Заметим, что, в отличие от других персонажей, Гарин чертыхается на каждом шагу, что позволяет провести параллель с гоголевским Хомой Брутом или с Чичиковым. И там и там активизируется мифологическое значение оборотов.

³ Пропадание – гибель, исчезновение, отпадание.

⁴ В 1960-е гг. на лейбле китайских детских курток на меху было написано «пи-хо-ра».

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин В. Метель. М.: Астрель: АСТ, 2010. 304 с.
2. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
3. Кочеткова Н. Обнять Метель // Известия. 2011. 22 февраля.
4. Дардыкина Н. Обойдётся без мата! // Московский комсомолец. 2011. 11 ноября.
5. Евсеев И. Люди и птицы // Зори-Zorile. 2006. № 2 (162). С. 11.
6. Липовецкий М. Метель в ретробудущем: Сорокин о модернизации // OpenSpace. Литература. 2010. URL: <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details>
7. Прохорова Т.Г. Постмодернизм в русской прозе. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 96 с.
8. Руднер Е. Владимир Сорокин написал «Метель» // Сноб. 2010. 4 апреля.
9. Даниленко Ю.Ю. Реминисценции классики в современном тексте (на материале повести «Метель» Владимира Сорокина) // Филологический класс. 2012. № 2. С. 113–116.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 июня 2015 г.

THE INTELLIGENT AND MAN OF GOD FROM THE FUTURE: ON THE MAIN CHARACTERS OF THE STORY *THE SNOWSTORM* BY V. SOROKIN

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 19–23. DOI: 10.17223/15617793/397/3

Zavyalova Elena E. Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Keywords: main characters; juxtaposition; mythologies; hagiographic tradition; man of God.

Sorokin's story *The Snowstorm* was published in 2010. Researchers in literature are primarily interested in the archaic and fantasy elements in the work, as well as its intertextual relations. The main characters have not yet become subjects of a separate study; they need a deeper analysis for better understanding of the meaning of the literary text. The disclosure of the story's ideas is based on the opposition of two characters. The traditional *Snowstorm* text projects plot situations involving a gentleman and a coachman, an owner and an employee, an intellectual and a commoner. Antithesis dominates in the portrait characteristics. The appearance of Platon Ilyich is bodily, carnal, dominant, while Perkhusha's is androgynous, asexual. The fates of the characters are fundamentally different. A significant social distance separates them. The characters have opposite reaction to what is happening. According to the laws of folk tales and classic novels, the characters meet tests-temptations on their way, Kozma does not seem to notice them, while Platon Ilyich always gives in to temptation. *The Snowstorm* by V. Sorokin contains a large number of inspirational reflections about the meaning of human life. They all belong to Garin, the doctor pronounces the most enthusiastic ones after a narcotic session. Most often the rhetoric of Platon Ilyich is followed by the stylistic register shift; there is a new event that supposedly devalues the said. The philanthropic rhetoric of Garin is in no way correlated with the indifference of the doctor and his violent actions. This "doublethink" sometimes turns into a gross farce. For a proper understanding of the characters the mythological background of the events is fundamentally important. The snowstorm annoys the doctor, blowing out a match when he tries to light a cigarette, closes up his eyeglasses with snow, clogs his nose. Gradually, the opposition is more obvious. In the soul of Perkhusha there reigns obedience to all events. He does not try to fight the snowstorm as Platon Ilyich, and the snowstorm does not mock the man delivering bread. Kozma quickly realizes the supernatural nature of obsession. The image of Perkhusha has the traits of man of God (unselfishness, honesty and conscientiousness, eccentricity, religiosity, closeness to God). Kozma is characterized by tranquility, gentleness, humility, compassion, simple-mindedness, disinterestedness, purity. Perkhusha's speech includes several phrases with wrong word usage which at the mythopoetic level indicate his connection with another world. The consequence of using the traditional "roles" of classical literature is an obvious juxtaposition of the two main characters at the level of their portraits, emotions, speech, actions, etc. The image of Kozma is often constructed in accordance with the folklore and biblical tradition and the figure of Platon Ilyich is more "modern", the reminiscences associated with it are sometimes very exotic. The humanistic function of the author's irony is obvious in the story.

REFERENCES

1. Sorokin, V. (2010) *Metel'* [The Snowstorm]. Moscow: Astrel': AST.
2. Izard, K.E. (2000) *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. St. Petersburg: Piter.
3. Kochetkova, N. (2011) *Obnyat' Metel'* [To hug The Snowstorm]. *Izvestiya*. 22 February.
4. Dardykina, N. (2011) *Oboydemsy bez mata!* [We will do without swear words!]. *Moskovskiy komsomolets*. 11 November.
5. Evseev, I. (2006) *Lyudi i ptitsy* [People and birds]. *Zori-Zorile*. 2 (162). p. 11.
6. Lipovetskiy, M. (2010) *Metel' v retrobudushchem: Sorokin o modernizatsii* [The Snowstorm in retro-future: Sorokin on the modernization]. [Online]. Available from: <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details>.
7. Prokhorova, T.G. (2005) *Postmodernizm v russkoy proze* [Postmodernism in Russian prose]. Kazan: Kazan State University.
8. Rudner, E. (2010) *Vladimir Sorokin napisal "Metel'"* [Vladimir Sorokin wrote The Snowstorm]. *Snob*. 4 April.
9. Danilenko, Yu.Yu. (2012) *Reministsentsii klassiki v sovremennom tekste (na materiale povesti "Metel'" Vladimir Sorokina)* [Reminiscences of the classics in the modern text (based on the story The Snowstorm by Vladimir Sorokin)]. *Filologicheskiy klass*. 2. pp. 113–116.

Received: 03 June 2015